

**ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ КАРПАТСКОЙ РУСИ:
СВЯТОЙ МАКСИМ САНДОВИЧ (1886-1914) КАК СИМВОЛ
КАРПАТО-РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

К. В. ШЕВЧЕНКО

Российский государственный социальный университет (Филиал в г. Минске), Беларусь

Карпатские и галицкие русины, являвшиеся наиболее западной частью восточнославянского этнокультурного пространства, уже в начале своей политической истории в эпоху раннего Средневековья вошли в состав Польши и Венгрии и подверглись многочисленным этнокультурным экспериментам со стороны польских и венгерских властей. Целью данных экспериментов была полная ассимиляция русинов; в качестве орудия осуществления подобной политики использовался конфессиональный фактор.

Наиболее яркими проявлениями подобной политики стали Брестская (1596 г.) и Ужгородская (1646 г.) церковные унии, задуманные Ватиканом и политическими элитами Польши и Венгрии для латинизации и последующей ассимиляции коренного православного восточнославянского населения исторических земель Западной Руси. Рассуждая о церковной истории Западной Руси, известный галицко-русский церковный деятель и просветитель отец Иоанн Наумович писал в 1889 г.: «со времени крещения нашей Руси при равноапостольном князе Владимире в 988 г. предки наши были православными и оставались такими на всем пространстве русской земли, пока в 1596 г. не разорвана была связь нашей церкви в западно-русских странах с восточно-православной церковью, разорвана незваными пришельцами с запада, навязавшими нашим отцам унию» [3, с. 1]. Брестскую церковную унию, положившую начало существованию униатской церкви в западнорусских землях, И. Наумович, до своего перехода в православие бывший униатским священником, характеризовал как «заведенную лестью и насилием чужими людьми, заведенную не ради истины Христовой и спасения душ, а ради властолюбия римских пап и политических расчётов бывшей польской республики» [3, с. 1].

Примечательно, что критические оценки Брестской унии, сделанные И. Наумовичем, полностью разделялись авторитетными российскими учёными-славистами. Так, один из основателей современной белорусистики, видный филолог-славист Е.Ф. Карский в своём фундаментальном исследовании «Белорусы» ярко охарактеризовал унию как «вероисповедный суррогат, очень полезный в государственном отношении для Речи Посполитой, так как церковная униа, с одной стороны, отдаляла белорусов от великороссов, а с другой стороны – приближала к полякам-католикам, часто служа переходной ступенью к католицизму и, таким образом, являясь дальнейшим этапом полонизации» [1, с. 183].

Упорная борьба против навязывания церковной унии, а впоследствии борьба за сохранение восточного церковного обряда в рамках униатской церкви стали важным фактором национального самосохранения русинов Галиции и Угорской Руси, которые с конца XVIII века оказались в составе Австрийской империи.

С усилением национальной дискриминации и денационализации карпатских и галицких русинов со стороны властей Австро-Венгрии во второй половине XIX в. все более популярной формой борьбы русинов за сохранение своей идентичности стало движение за возвращение к православию. Официальная Вена и польская администрация Галиции крайне подозрительно относились к данному движению среди русинов, усматривая в нём проявления нежелательной для них русофилии и скрытые ирредентистские тенденции. Существенной причиной возникновения православного движения в Карпатской и Галицкой Руси в конце XIX – начале XX вв. было недовольство русинского населения поведением униатского духовенства, которое нещадно эксплуатировало русинских крестьян и одновременно нередко выступало в роли добровольной полиции, помогавшей государственным органам осуществлять надзор за населением. По свидетельству хорошо информированной о положении в Угорской Руси чешской газеты «Час», издававшейся в Праге, греко-католическое духовенство «с помощью экзекуторов вымогало долги у крестьян за самые простые церковные обряды... Поп жиреет, народ худеет и беднеет... Кроме того, это попы – мадьяроны, добровольная и оплачиваемая государством полиция. Поэтому, – подчеркивала чешская газета, – угорские русины стали задумываться о переходе в православную церковь, где им будет легче...» [6, s. 2].

Массовый переход в православие карпато-русских униатов вызвал крайне нервную реакцию австро-венгерских властей, сразу сделавших ставку на открытые репрессии. Особое беспокойство Вены и Будапешта вызывало стремительное распространение православия среди многочисленной карпато-русской диаспоры в Северной Америке в конце XIX – начале XX века. Опасаясь дальнейшего распространения православного движения среди русинов Галиции и Угорской Руси, австрийские власти запретили в 1912 г. паломничество галичан в Почаевскую лавру на территории соседней Волыни в составе России и стали все чаще прибегать к репрессиям в отношении к перешедшим в православие русинам.

«Террор распространился по всей Подкарпатской Руси, породившей великое множество новых мучеников и исповедников, – писал Г. Рачук, характеризуя положение православных русинов в Австро-Венгрии в начале XX в. – Одно слово, одна православная книга, одно нежелание ходить в униатский храм могли послужить предлогом для штрафа, избиения, ареста, всяческих издевательств и даже для убийства» [4, с. 21]. Самоотверженная борьба за возрождение веры своих предков – православия – породила большое число мучеников за веру среди русинов Галиции и Угорской Руси, ставших символами традиционной русинской идентичности. Православное движение в начале XX в. стало активно распространяться и среди самой западной части карпатских русинов – русинов-лемков, населявших северные склоны Карпат в Западной Галиции, входившей в австрийскую часть империи Габсбургов. Видным активистом православного движения среди русинов-лемков стал молодой православный священник, уроженец галицкой Лемковины Максим Сандович, биография которого является весьма характерным и примечательным примером духовной эволюции представителя карпато-русского духовенства.

Максим Сандович родился 31 января 1886 г. в карпато-русском селе Ждынь на территории исторической Лемковины в австрийской Галиции. После окончания

гимназии в г. Ясло и в г. Новы Сонч в Галиции, где он проживал в Русской бурсе, специально организованной русинскими активистами для карпато-русских студентов, М. Сандович поступил в один из базилианских монастырей в Восточной Галиции. Однако очень быстро духовная атмосфера и нравы базилианского монастыря разочаровали М. Сандовича, который в 1904 г. перешёл в православный монастырь в Почаеве на территории Российской империи [5, р. 447]. Скорее всего, главной причиной разочарования М. Сандовича в униатской церкви стало то обстоятельство, что к началу XX в. униатские монастыри и духовные семинарии Восточной Галиции при содействии австрийской и польской администрации окончательно превратились в центры украинской пропаганды и очаги распространения украинской идентичности. Именно в это время для усиления украинского влияния на греко-католическое духовенство Галиции и для подрыва позиций традиционно влиятельных галицких русофилов по инициативе австрийских властей был затруднен приём в духовные семинарии Восточной Галиции лиц традиционной русофильской ориентации. По свидетельству хорошо информированного современника, воспитанники духовной семинарии во Львове русофильской ориентации подвергались «травле и издевательствам» со стороны господствовавших там украинцев. В 1912 г. русские воспитанники Львовской духовной семинарии «дважды были вынуждены бежать из семинарии, чтобы спасти свою жизнь перед одичавшими товарищами-украинцами» [2, с. 119]. Подобная атмосфера, утвердившаяся в униатской церкви Восточной Галиции к началу XX в. при содействии униатского митрополита – украинизатора А. Шептицкого, была неприемлема для М. Сандовича, являвшегося убежденным сторонником общерусского единства.

Находясь в России, М. Сандович успешно завершил своё духовное образование в Православной духовной семинарии в г. Житомире в 1910 г. и уже в 1911 г. был рукоположен в священники. В этом же году Сандович вернулся на родину, где он стал первым православным священником с того момента, когда галицкая Лемковина была окончательно обращена в унию в начале XVIII века. М. Сандович служил в качестве православного священника в карпато-русских селах Граб, Длуге и Вышоватка на Лемковине, постоянно находясь под наблюдением австрийской администрации, которая «опасалась усиления российского влияния в результате распространения православного движения» [5, р. 448]. В 1911–1912 гг. М. Сандович несколько раз подвергался арестам со стороны австрийских властей и краткосрочному тюремному заключению. Важным направлением деятельности М. Сандовича была борьба с прогрессирующей латинизацией греко-католической церкви в Галиции, которая резко активизировалась в начале XX в., и защита исконных восточных обрядов карпатских русинов путем их возвращения в лоно православной церкви.

Успешное служение М. Сандовича на родине, в ходе которого он снискал искреннее уважение и любовь своих земляков, продолжалось недолго. В марте 1912 г. М. Сандович, вызывавший все большее недовольство австрийских властей своей успешной деятельностью, вновь подвергся аресту, при этом его обвинили в шпионаже в пользу России. Отец М. Сандович был на длительное время помещен в камеру с обычными уголовниками, подвергаясь унижениям и издевательствам. Во время тюремного заключения отца Максима посетил

эmissар главы униатской церкви Галиции А. Шептицкий, предложив ему вернуться в униатскую церковь в обмен на свободу, однако отец Максим категорически отверг это предложение. Спустя два года на судебном процессе во Львове в марте – июне 1914 г. вместе с другими галицко-русскими деятелями русской ориентации – православным священником И. Гудымой, студентом В. Кольдрой и известным галицко-русским журналистом С. Бендасюком – Сандовичу было предъявлено дежурное обвинение в шпионаже в пользу Российской империи [5, p. 448].

Пражская газета «Час», следившая за судебным процессом над галицкими русофилами, сообщала своим читателям 10 марта 1914 г.: «Обвиняемые старались представить русинам положение в России в самом благоприятном свете и активно распространяли среди них русскую православную веру. В результате этой агитации русинские крестьяне в области Ясло, Горлице и Кросно стали заявлять о своем переходе из греко-католической в православную церковь. Обвинение утверждало, что обвиняемые распространяли слухи о том, что Россия освободит православных верующих и что после этого Галиция воссоединится с Россией... В ходе сообщения своих личных данных обвиняемый Бендасюк хотел говорить по-русски, однако председатель суда этого не разрешил...» [7, s. 2]. В своём следующем репортаже о ходе суда над галицкими русофилами «Час» процитировал слова Бендасюка о том, что «национальное единство русского народа от Тисы до Камчатки является для него незыблемым принципом. Однако, – указывала пражская газета, – речь здесь не идёт о государственном понятии в политическом смысле. Обвинение не сумело доказать, что обвиняемый имел в виду политическое объединение русинов с Российским государством. Бендасюк утверждал, что предметом его стремлений было убеждение русинов в единстве всего русского народа, дабы не проводились раздельные линии между малорусами, великорусами и угрорусами... Он также утверждал, что русский язык является единственным литературным языком всего русского народа, а все остальные славянские наречия – лишь диалекты...» [8, s. 2]. Несмотря на все уловки, австрийскому суду не удалось доказать виновность подсудимых. Суд присяжных единогласно признал их невиновными.

После освобождения в июне 1914 г. М. Сандович вернулся в свое родное село. Однако освобождение оказалось кратковременным. Начавшаяся Первая мировая война вызвала волну репрессий австро-венгерских властей против угорских и галицких русинов. Одной из самых пострадавших областей была галицкая Лемковина, коренное русинское население которой отличалось стойкими русофильскими настроениями. «Вся Лемковина была покрыта виселицами, на которых гибли её лучшие сыны» [2, с. 139], – писал лемковский историк – современник описываемых событий об австро-венгерских репрессиях по отношению к мирному русинскому населению. Печальным символом австро-венгерских зверств во время Первой мировой войны стал концентрационный лагерь Талергоф, созданный уже в начале сентября 1914 г. неподалеку от г. Грац. Жертвами концлагеря Талергоф стали тысячи представителей галицко-русской интеллигенции и духовенства русофильской ориентации.

Уже 4 августа 1914 г. М. Сандович был вновь арестован австрийскими властями, при этом вместе с ним аресту подверглась и вся его семья. Арестованные были помещены в тюрьму в г. Горлице, где уже находилось большое количество арестованных в то время русинов-лемков. Рано утром 6 сентября 1914 г. М. Сандович без

суда и следствия на глазах своего престарелого отца и жены, которые были специально переведены в камеры с окнами, выходящими на тюремный двор, был расстрелян во внутреннем дворе тюрьмы в г. Горлице. Перед выстрелами отец Максим Сандович успел выкрикнуть: «Да живет святое православие! Да живет Святая Русь!». Руководивший расправой австрийский ротмистр Дитрих добил отца Максима выстрелом в голову из револьвера. Его беременная жена была интернирована в австрийский концлагерь Талергоф, где она родила сына, названного в честь отца Максимом.

После смерти М. Сандович стал одним из наиболее ярких, убедительных и почитаемых символов страданий русинов-лемков за веру и за стремление вернуться в лоно православной церкви. В 1922 г. останки М. Сандовича были перезахоронены в его родном селе Ждынь на Лемковине. В 1934 г. жители русинского села Чарне на Лемковине воздвигли крест в честь М. Сандовича. В 1994 г. Польская автокефальная православная церковь причислила М. Сандовича к лику святых; в это же время останки М. Сандовича были перенесены в новую Православную церковь в г. Горлице, где он принял мученическую смерть в сентябре 1914 года [5, p. 447]. Сын М. Сандовича Максим, также ставший православным священником, успешно продолжил православную миссию своего отца на Лемковине.

Память о М. Сандовиче и его духовном наследии продолжает оставаться важным идентификационным и ценностным ориентиром для верующих Польской православной церкви и в настоящее время, прежде всего для русинов-лемков, напоминая им об их духовных корнях, укрепляя их в вере и вдохновляя их на труды, раскрывающие истинное историческое прошлое карпатских русинов. Примечательно, что известный общественный и церковный деятель русинов-лемков в Польше православный священник Д. Циолка посвятил свой последний капитальный научный труд о латинизации униатской церкви в Польше светлой памяти отца Максима Сандовича и жертвам Талергофа [9, s. 5].

Литература

1. Карский, Е. Ф. Белорусы / Е. Ф. Карский. – Петроград, 1922. – Том III. – 319 с.
2. Лемкин, И. История Лемковины / И. Лемкин. – Нью-Йорк : Юнкерс, 1969. – 298 с.
3. Наумович, И. Пятидесятилетие (1838-1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. Исторический очерк / И. Наумович. – Санкт-Петербург : В Синодальной типографии, 1889. – 117 с.
4. Рачук, Г. Подвижник Руси Карпатской Архимандрит Иов (Кундря) / Г. Рачук. – Москва : Паломник, 2008. – 287 с.
5. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and expanded edition. Edited by P.R. Magocsi and I. Pop. – Toronto : University of Toronto Press, 2005. – 569 p.
6. Čas. Ročník XXVIII. Číslo 62. – V Praze 4 března 1914. – 4 s.
7. Čas. Ročník XXVIII. Číslo 68. – V Praze 10 března 1914. – 4 s.
8. Čas. Ročník XXVIII. Číslo 69. – V Praze 11 března 1914. – 4 s.
9. Ciołka, D. Latynizacja Kościoła unickiego w Rzeczypospolitej po synodzie zamojskim / D. Ciołka. – Libra s.c. : Wydawnictwo i Drukarnia, 2017. – 320 s.

Статья посвящена жизни и деятельности одного из наиболее известных церковных деятелей Карпатской Руси в начале XX в. отцу Максиму Сандовичу,
200

который активно боролся за возрождение православия в самой западной части Карпатской Руси – на Лемковине в австрийской Галиции. После неоднократных арестов властями Австро-Венгрии М. Сандович после начала Первой мировой войны был расстрелян австрийскими солдатами 6 сентября 1914 г. в г. Горлице. Память о М. Сандовиче, его мученической смерти и его духовном наследии является важным идентификационным и ценностным ориентиром для верующих Польской православной церкви, прежде всего для русинов-лемков, напоминая им об их духовных и исторических корнях и укрепляя их в вере.

The article focuses on the activities of Saint Maxim Sandovych, one of the most famous Church activists in Carpathian Rus' in early XX century, who did his best to support and promote the revival of Orthodox Church among the Rusyns of Lemkovina in Austrian Galicia. After numerous trials and repressions conducted by the Austrian authorities, M. Sandovych was again arrested after the First World war started. He was shot dead without any investigation and court decision by Austrian military on 6 September 1914 in Gorlice. Spiritual legacy of Maxim Sandovych remains to be of enormous importance and great historical value for Polish Orthodox Church and for the Rusyns of Lemkovina.